

В. Г. БОГОРАЗ-ТАН

Чрево Москвы

Оно совсем не похоже на чрево Парижа, так сочно и так систематически описанное когда-то у Золя. Не на мраморных прилавках, под стеклянными сводами (было, да сплыло), — весь потрох Москвы валяется прямо на панели, на улице, в пыли и грязи, чтоб не сказать хуже. Пойдешь по рядам, меж лотками, без выхода — заблудишься в этих перепутанных кишках московского рынка. И высшая мера порядка, это «Образцовые ряды» из деревянных будок и ларей на «Трубе».

Как большая деревенская ярмарка, переливается московская торговля, словно в Сорочинцах или Голтве, бегают прасолы и перекупки, шибай, какие-то цыгане и татары и, конечно, одеситы, Мехель Шоме из Вильны и Тадеуш Сливняк из Варшавы и милейшие Поташ с Перламутром прямехонько из самого Нью-Йорка. Попадается порой и москвич, — лопатой борода и холодные глаза. Москвичи поотстали от юрких «иностранцев» и только теперь расправляют свои локти и готовятся ринуться в свалку. Но все-таки не бойтесь за этого одинокого и сирого покинутого москвича.

«Нэп» — это скачка с препятствиями, а москвич, как орловский рысак. Разойдется и обгонит приезжих скакунов и скакунков. Да и что за скакунки! Разные бывают скакунки. Блоха тоже проворный скакун, а ловят и блоху.

Разносчики, торговцы на ходу. В руках две кастрюли — и только. Баба с курицей. Другая с пучком моркови. И только торговлей живут. Народу — не продохнешь, не протолкаешься. И на каждом углу, на заре и в полночь продают булки, булки.

Еще не наелась Москва, и сердце дрожит, и скрюченные руки тянутся сами собой к подрумяненным хлебцам. Не об них ли мечтали мы так жадно и болезненно в голодные годы, восемнадцатый и девятнадцатый.

И стала мечта наша плотью.

Как феникс из-под пепла, вышла из земли и воскресла в полгода московская торговля. Но в этом воскресении есть что-то азиатское, китайское. Вот точно такой же я видел не особенно давно торговый городок, выросший в Манджурии под русским Харбином на урочище: «Два Кабака». Такие же проходы и лари, и грязь, и убогая роскошь обилия.

Мало Европы в Москве. Какая была у России Европа, теперь догорает в Петрограде, в «Мертвом городе Брюгге», усопшем на Неве. Но в Москве возникает сочетание Азии с Америкой. Души, пожалуй, уже американские, обстановка бухарская, персидская, китайская.

Чтобы не быть голословным, отмечу особо китайские черты. Двунogie кони с тележкой стоят наготове. Славянские рикши, российский «автогуж», самотяга. На прилавке говядина нарезана ломтями скупыми и сухими. Каждое волоконец на счету. Ведь это огромная ценность и предмет вожделения. Бородатые носильщики в обжорках закусывают узенькими бутербродами странного вида и бережно собирают крошки в горсть. Что значит для русской утробы один бутерброд? А вон, поди ж ты, терпят, довольствуются малым. На рынках еще не обжираются. Ведь это вам не НЭП с Кузнецкого Моста. Всякая дрянь завалящая находит продавца и находит покупателя.

Мяукают продажные котята. Визжит поросенок в мешке. И точно таким же визгом отзывается-скрежещет резак на точильном колесе. Мальчишка ведет на продажу козу, карлицу с поломанным рогом и больными копытами. А вымя — до земли. Поросенок, котенок и козочка, — весь инвентарь московского скотного рынка. Бедняжка Москва:

А в клетки, вместо телят,
Два котеночка пищат.

Нет, никогда не воскреснет наша слепая расточительность и пьяное славянское обилие. Не будем хлеб бросать на землю и милостыню подавать обрезками говядины. И в грядущих «Эрмитажах» на лоне вырастающего НЭП'а пьяные купцы не будут дробить дорогие зеркала полными бутылками французской шампаней.

Расчетливой стала Москва, прижимистой, скупой.

И это навсегда.

НЭП разрастается сверху, почти насаждается, наполовину искусственно. У него есть загарбистые руки, а чрева — нутра еще нет. Но живое в Москве и в России вырастает не сверху, а снизу.

Оно пробивается сквозь камни и щебень разрушенных домов, протискивается сквозь тесные рогатки. Это не НЭП, но это новая экономическая политика.

Чу, заунывное пение. Ей-Богу, слепцы. Два старца, а третий мальчишка-поводырь. Впрочем, и старцы довольно молодые. Выжжены хворью глаза и волосы выжжены солнцем. Мешочные рубахи и лыковые лапти. Словно вышли из оперы, слезли со старинной картины. Проходя гуськом меж ларями и древним голосом тянут древнюю песню:

Уж как дали Алексею хлебушка...

А вот и новое. Никто не подает. Заскупела, зачерствела торговая Москва. Каждому до себя. Ни один не подал.

Еще пение. Мальчик из новых московских гаменов, шустрый, без шапки, босой, весь почерневший от грязи — поди-ка, отмой его — бойко запекает знаменитого «Цыпленка»:

Цыпленок дутый, в лаптях обутый,
Пошел на рынок погулять.
Его поймали, арестовали
И захотели расстрелять...

Полно, цыпленок, не ври. Теперь перестали расстреливать. Не так ли? Кто-то расщедрился, сунул цыпленку десятку. Ведь это поменьше китайского железного «чоха» — десять чохов на копейку. А желтеньких бумажек надо пятнадцать штук собрать на один фунт хлеба.

И за всем тем возрождение московской торговли граничит с чудесным. Откуда что берется? На Сухаревке я видел в 79 ряду 2381 номер, на «Трубе» 1430 номер лавки. И если сосчитать все лавки и прикинуть оценку товара только на рынках в советских рублях, пожалуй, и «цифирю не хватит», как сказано у Островского. Все трильоны, квадрильоны, квинтильоны и другие котильоны вольтижирующих цифр современности. Довольно разговаривать! Пойдем между ларями.

* * *

Три дня езжу с Сухаревки на Смоленский и с «Зацепы» на «Трубу» и не могу насытить своих голодных глаз обилием пищи, снова взлелеянной, всхоленной и вынесенной на торжище для человеческой потребности.

Рыба, рыба. Целые севрюги, осетры. Сухие снетки и лещи. Резанные головы наложены грудюю.

Свинина, баранина. Жирная говядина. На десятичных весах горою навалены телячьи туши, еще целые, в шубах. Когда-то на войне я видел: так же точно валили человеческие трупы. Нет, лучше пусть будут битые телята, чем битые люди. А вот и ободранная туша, белая от сала. Пухлые гладкие почки, как женские груди. Сальная рубашка, обтянутая, как трико.

Милый теленок, скажи мне, кто вырастил тебя? Кулак или средняк, партийный или беспартийный? Но ты все тот же, такой же, как прежде. Откормленный телец, взрощенный обильной природой для ласковой встречи человеческого блудного сына, обуянного гордыней духа и оголодавшего желудка. Чей ты, теленок?

— Я не кадетский, я не советский, —

напевает над ухом назойливый «цыпленок», как будто в объяснение:

Ах, я куриный, я петушиный,
Я Петька, я детка, я курицын сын.

Не знаю, кто вырастил тебя. Но знаю и чувствую, что в тебе воскресла и выросла мистика жизни, мистика плоти, цветущей и тучной. Жизнь чередуется волнами. Три года войны, четыре — революции, хаос разрушения, кровавые духовные цветы. И вот возродилась цветущая плоть, от духа родилась плоть.

Откормленный телец — это символ урожая и больше того: это символ и залог раскормленного сытно младенца. Смешно сказать, но я чувствую, будто из этой груды мяса восходит какая-то буйная сила, стихийная и пьяная и заражает меня. И хочется петь и смеяться или протянуть руки и благословить дары земные: «Пошли, Боже, урожай на всякую живую скотину, двуногую и четвероногую!»

Свежие овощи. Картошка и репа, и лук. Тропические фрукты: — кабачки и помидоры. Поспеи уже владимирские вишни и крыжовник. Ешь, объедайся, душа, до самой дизентерии.

На «Зацепе» мужицкий привоз. Полсотни возов выстроилось в ряд. Впрочем, ведь теперь это не мужики, а поднимай повыше: русские фермеры. У многих на возах собственные медные весы. Другие торгую по-старому, с мерки, но тоже не обрадуешься. Мерка в пять фунтов — полтора миллиона, дороже, чем с веса. Горы картошки, молодой и старой.

— Откуда столько? — спрашиваю полушутя фермера в овчине и лаптях, но с бритой бородой.

— Сами картошкой кормимся, — объясняет он довольно словоохотливо, — и вы пользуйтесь.

Ведь это результат новейшей «картофелизации» хозяйства в северной и средней полосе. Картофель, интенсивное хозяйство, в некотором роде продвижение.

* * *

Зачем же везут мужики, рыбаки, огородники все, что у них есть, в голодную и жадную Москву? И чем платит Москва за все это сало и зелень? Ужели только советскими бумажками по лимону и по десять лимонов? Рынок дает наглядный ответ и на этот вопрос.

Пойдем по рядам: Железо. Не старые обломки припрятанных запасов, а новое, сейчас со станка, из-под молота. Топоры и напильники, пилы и рубанки.

Косы и серпы, в английских и немецких клеймах.

Их привезли, говорят, контрабандой. Но что такое контрабанда? Ведь это портофранко¹, на море и суше, прямое и кривое, и тайное, и явное. Скажите: портофранко, и все будет ясно. Торговля начинается всегда с портофранко. Уже потом поступают налоги.

Луженые ведра, посуда. А вот, ей-Богу, примусы, не старые, а новые, штук двадцать. Приветствую тебя, примус, домашний бог «Нэпа», заместивший унылую «буржуйку» минувших голодных годов!

Кожа и ситец, сукно и плис и даже бархат. Готовая одежда и обувь. И такие же цыгане и мальчишки бегают и тут с разносными товарами и звонко выкликают:

Вот оно, вот оно, только что сработано!
Граждане, берите.

Книги и картины. Маркс и Христос приколоты рядышком. Маркс в тугом венце волос, Христос — в терновом. Что ж, оба — евреи.

Краски сухие и тертые. Оливковое масло и олифа. И списки печатные с совершенно свободной орфографией: Б и л и л а с в е н ц о в а я.

— Это я по-советски писал, — с некоторой гордостью сообщает молодой продавец. — Совсем-таки без ятей.

Он в черных очках, и лицо его в черном пуху, и нос у него жесткий и плоский, совсем, как у утенка.

Ж е в е л ь, ж и в е л (жавелевая кислота); даже ж ж в л без всяких гласных букв — по ветхому завету.

К в о с ы, к в а с ц ы. У каждого особая метода. А в самом конце, как подпись, стоит: Н а ш а т и р.

— А это какая орфография?

— Извините, это моя фамилия, — объясняет продавец: — А а р о н Н а ш а т и р.

Бывают же такие совпадения. Ведь это не хуже, чем три знаменитые вывески бобруйских ювелиров, висевшие рядом на улице: Топаз, Диамант и Сапфир.

Хрипят граммофоны таким сифилитическим голосом, как девка на бульваре. Колотит колодкой сапожник, прилаживая свежую заплату прямо на ноге. Цирюльник на воздухе бреет клиента, совсем как в Тифлисе и размазывает черным пальцем мыло по крутому подбородку. У клиента на затылке татарская ермолка, по новой русской моде, и бритые губы, как у янки.

Зачем, кстати, бреются? Славянская мочалка мешает, как следует ворочать челюстями? Или как?..

* * *

Ночью на бульварное кольцо выходит погулять эта азиатская московская Америка. Тысячи и тысячи, больше, чем было и в прежнее время.

Без надзора полиции, сама по себе, на свободе гуляет трудовая Москва. Перестала Россия ходить под надзором полиции. Перемешаны все бывшие классы, перепутаны сословия. Было да сплыло. В новую эмульсию стерты живые элементы России, высшие и низшие, мужчины и женщины.

Как много молодых. Москва помолодела. Россия помолодела. Сколько молодых перебили, а вот народилось опять не менее того. Необузданно смелые лица, зоркие глаза, квадратные, решительные челюсти.

А человеческий поток течет безостановочно. По бесконечному кругу проходит вперед сквозь тень и сумрак.

1922

